

О СТУДЕНЧЕСКИХ ГОДАХ ЗАРЫ ГРИГОРЬЕВНЫ МИНЦ

ВИКТОРИЯ КАМЕНСКАЯ

Нас часто — особенно в последние годы — принимали за сестер. Но, думаю, Зара Григорьевна или, если позволите, просто Зара, называть ее иначе я не умею, была мне больше, чем сестрой. Пять лет нашей университетской молодости вспоминаются теперь фрагментарно, однако довольно живо и, несмотря на все горести и трудности, в основном весело. Эти вспышки памяти я и постараюсь здесь воспроизвести.

Познакомились мы в самом начале октября 1944 г. Обе только что поступили на русское отделение филфака, мне было уже 19, Заре недавно исполнилось 17. Какой я ее помню в ту пору? Походка “уточкой”, стриженные прямые волосы до плеч, позднее как-то незаметно превратившиеся в две толстенные косы, морковного цвета румянец во всю щеку, громкий голос и громкий смех. Зара вообще была смешлива — смеялась любой шутке и шутила сама. Уже тогда была у нее эта улыбка: с наклоном головы к левому плечу, поддетдомовски стеснительная и одновременно кокетливая, с веселыми искорками в серых глазах... Мы сидели на корточках у обшарпанной стены в плохо освещенной комнатенке, в течение нескольких часов ожидая, когда подойдет наша очередь к коменданту общежития на Мытнинской набережной, — нам обеим нужна была ленинградская прописка, а не реальная жилплощадь, поскольку меня приютил дядя, Зару — ее тетя.

Свою мать Зара потеряла в раннем детстве, отца — в блокаду. Во время войны оказалась в эвакуации, в детском доме, которым заведовала ее двоюродная сестра Сима (возрастом — скорее тетя). Теперь же, вернувшись в Ленинград, она поселилась у сестры отца — тети Мани.

Казалось бы, очень открытая, Зара крайне редко и скупно рассказывала о раннем детстве и родителях. И вообще она больше и чаще выслушивала других, нежели говорила о себе.

С того общежитского знакомства и началась наша дружба: мы всегда были вместе, записались в одну группу, а вскоре к нам присоединилась еще и третья подруга. Изящная и женственная Аня Есельсон ходила в защитного цвета телогрейке и сапогах, Зара — в темном пальто с каракулевым воротником мужского покроя, я — тоже в каком-то перешитом старье, но в Первой русской группе, отличавшейся особо замызганным видом, мы были, как говорится, “не хуже других”. В полутемных коридорах филфака всегда было холодно, печи топились плохо, и пальто почти не снимались.

Начала занятий не помню: вспоминается разборка зенитного дота на набережной около здания Академии наук, маршировка в Румянцевском садике под руководством нашей однокурсницы “бывалой фронтовички” Веры Зверевой. Из лекций первого года ярче всего вспоминается курс общего языкознания, который нам с блеском читал остроумнейший, “корпулентный”, по его собственному выражению, профессор Рифтин (а через год — его похороны); лекции по античной литературе, читавшиеся О. М. Фрейденберг, как ни странно, большого впечатления на нас не производили, возможно, еще и потому, что читала она первокурсникам-русистам без особого вдохновения. Помню, вся аудитория — и мы, две умницы, — оживились лишь когда речь зашла о Сафо и острове Лесбос. Тогда же, в первом семестре, мы слушали лекции профессора Проппа. Самих лекций я теперь не помню, но, очевидно, уже в ту пору началось гонение на все “западное”, ибо однажды в малой аудитории по рукам пошла сочиненная Зарой эпиграмма:

На лекции профессора Проппа

Гомер — не автор “Одиссеи”,
такая мысль — рассудка сон!
Сюжет поэмы из Рассеи
в Элладу кем-то занесен.

Одна лишь мысль, одно лишь чувство

должно быть всех важнее чувств:
одно лишь русское искусство —
первоисточник всех искусств!

Зимней сессией мы были обескуражены: первый же экзамен — античную литературу — сдали на тройки. Это было как-то непривычно: отличницы в школе, мы честно вызубрили учебник, но читать сами произведения — даже в переводах — нам в голову не пришло. Я со своей тройкой легко смирилась, Зара же переживала “позор” болезненно, честолюбие ее было задето, и где-то на четвертом курсе она все-таки экзамен пересдала. Зара органически не терпела, чтобы у нее что-нибудь не получалось: маленькая и отнюдь не спортивная, даже на занятиях по физкультуре она всегда добивалась зачета. Правда, однажды такой зачет она получила с моей помощью. Мы сдавали лыжи в парке культуры на Островах. Я прошла свои два круга не слишком успешно (помимо прочего, к тому времени я уже была в “положении”), Зара же еще только кончала свой первый, тренировочный круг, когда за ее спиной появились те, кто уже заканчивал второй. “Тетка, наддай!” — подбадривали ее мальчишки. Было ясно: зачета по лыжам Заре не сдать. Тогда я надела ее малиновый свитер, сказала на старте: “Минц, Первая русская” — и пробежала еще два круга, причем даже на “четыре”.

Что бы Зара ни делала, все она старалась довести до совершенства: могла весь вечер штопать один чулок, зато уж штопка получалась образцовая. Если мыла пол — могла в течение часа до блеска скрести один угол (на остальное часто не оставалось времени). Волосы расчесывала и заплетала (когда появились косы) с таким тщанием, волосок к волоску, что я только удивлялась ее терпению, но потом поняла: в эти минуты она “отключалась”, что-нибудь обдумывала.

В первые студенческие годы нам все время отчаянно хотелось есть. Помню, я где-то раздобыла не менее килограмма “весового желе” — студенистой массы из красного сиропа и желатина, мы ели его до одурения. В первые месяцы по возвращении из эвакуации моя мама достала “рейсовые карточки”. Отчетливо вижу, как мы стоим в очереди в вестибюле ресторана “Англетер”, за окнами

розовый Исаакий в морозном инее, а Зара и пришедший с нами молодой человек громко обсуждают проблемы бессмертия — по Федорову, — вся очередь уставилась на маленькую девочку, без тени смущения громко произносящую что-то ужасно умное.

В последующие годы Зара голодала меньше: тетя Маня устроилась в какое-то пошивочное ателье, в их доме стали появляться продукты. Теперь тетя Маня давала Заре с собой в университет полулитровую банку холодных макарон, — таскать макароны пальцами из банки в какой-нибудь пустой темной аудитории было величайшим наслаждением (при этом Зара от макарон великодушно отказывалась: дома она получит еще). А когда по пути с экзамена, который мы сдавали на дому у Проппа, в трамвае на Невском у меня украли хлебные карточки, в мое распоряжение перешли все макароны.

И все-таки мы были молоды, и нам было весело. Помню такой эпизод. Однажды мы втроем с Аней Есельсон ехали в университет на подножке трамвая, как потом говорилось в нашем стишке, — а у нас они сыпались как из рога изобилия по самым разным поводам и порой трудно было установить, кто главный “автор”, — ехали “по сторону ту”, то есть со стороны, обращенной к встречной колее, — так и вольготней, и платить не надо. На Дворцовом мосту, заметив нас, свистнул милиционер. Вожатый остановил трамвай, мы с Зарой мгновенно обежали вагон и под сочувственный смех пассажиров втиснулись в него с передней площадки, а воспитанную и растерявшуюся Аню милиционер отвел в участок (будку на мосту, возле Зимнего). Мы околачивались поблизости, пока Аню не отпустили, а потом хохотали втроем до коликов. Если на какой-нибудь лекции нам становилось скучно, мы играли в “буриме”, только Аня не прерывала записей, зато благодаря ее усердию к экзаменам у нас всегда был полный комплект лекций. В нашей группе училась Вера Фурсенко, ныне московская художница. На одной из ее карикатур была изображена Зара “через десять лет”: куча ребятишек, одному она сует в рот ложку, другой сидит на горшке, двое дерутся... Замечательное предвидение: в

целеустремленной отличнице тогда еще трудно было предугадать ее будущие семейные доблести.

С первых курсов Зара чаще, чем другие, посещала Публичную библиотеку (нам с ней по бумажке из деканата позволили посещать научный зал), тщательнее других готовилась к семинарским занятиям, даже по марксизму — на этих семинарах группу всегда выручали или Лена Колпакова, или Зара. Но однажды, когда я пришла сдавать преподавателю марксизма какую-то пропущенную тему, он принялся дотошно выспрашивать меня о Заре. Я сделала вид, будто не понимаю, что его интересует, и все пыталась уверить, что Зара еще совсем “младенец” и никаких “таких” мыслей у нее сроду не бывало. А между прочим, в связи с делом Вознесенского вскоре была арестована одна из студенток нашей группы, Бума Сосина, разумеется, никакого отношения к этому “делу” не имевшая.

На протяжении всех пяти лет мы готовились к экзаменам втроем — поначалу с Аней Есельсон, позднее с Людой Лакаевой. Думаю, делалось это в основном ради меня: у меня тогда родился сын и на лекции я ходила более чем нерегулярно. Готовились с ногами забравшись на диван (если это было у меня), в первые день-два больше разговаривали или даже танцевали под патефон (если занимались у Люды), а в последнюю ночь читали до одури, не смыкая глаз. К одной из весенних сессий готовились у Зары. Конечно, не у тети Мани, а в собственной Зариной комнате, которую она получила взамен потерянной ее семьей во время блокады. Такую великолепную жилплощадь надо было поискать: десятиметровая кишка, в которой помещались только односпальная железная кровать, столик да стул; находилась она на первом этаже, и прямо под окном была помойка. К весенней вони оттаивающей помойки невозможно было притерпеться. Позднее, переехав в Тарту, Зара просто подарила свою комнату государству.

Даже когда мы занимались во время экзаменов втроем, запоминали мы отнюдь не одинаково. Нередко приходилось пересказывать друг другу прочитанные “по диагонали” романы (Зара старалась читать все сама, но и ей изредка

приходилось пользоваться такого рода помощью). Поражала ее память: после одного чтения (особенно на первых курсах) она запоминала текст с почти фотографической точностью, пересказывала почти дословно.

Когда мы были на втором курсе, в самом конце войны тетя Маня получила извещение о гибели своего единственного сына Меера (Зара звала его Мейкой и в детстве была с ним дружна). Неделю Зара не появлялась на факультете, сидела взаперти с тетей Маней в темной комнате со спущенными шторами. Вернулась на филфак бледная, осунувшаяся, от морковного румянца не осталось и следа, так он никогда больше и не вернулся.

Отношения с тетей Маней у Зары сложились нелегкие, особенно после смерти Мейки. Тетя Маня, человек эгоцентричный и волевой, по-своему любила Зару, но подавляла, требовала полного подчинения и подотчетности, ревновала к друзьям. Зара же тетю Маню очень жалела, боялась волновать, и потому я нередко помогала ей что-нибудь сочинить, чтобы вырваться из дому, — сама Зара врать органически не умела. Стыдно сознаться, но мне в таких случаях тетя Маня верила больше, чем Заре. Позднее даже на собственную свадьбу Зара удрала по секрету, явилась с опозданием и в затрапезном виде — пришлось Люде срочно гладить и подшивать то, что оказалось под рукой. Сложно было и с Людой, тоже во многом эгоцентричной. Частое выяснение отношений со слезами (Зары) и прыганьем на ходу с подножки трамвая (Люды), с непонятным для меня постоянным ощущением какой-то вины (у Зары). Почему-то именно от Зары все (позднее отчасти и Дмитрий Евгеньевич Максимов) требовали к себе особого внимания. Быть может, потому что она больше других была щедра на сердечность и доброту, а от других никогда ничего не требовала.

На втором курсе Зара уже была активным членом СНО, выступала с докладами, но это как-то не слишком касалось наших взаимных интересов — научная работа меня не слишком привлекала. Зато мы задумали вместе писать роман. Название я уже забыла (кажется, “Комсорг!”), но одна глава мною все же была написана: в ней наша героиня с красивым

именем Лена Дубровина — кстати, за ней стоял реальный прототип — Нина Старикова, и тогда и позднее очень славный человек, — превращенная нами в комсорга группы, проводила комсомольское собрание. Возможно, глава была написана под впечатлением от комсомольского собрания нашей Первой русской группы, где песочили Зару и Люду — я не была комсомолкой — за то, что на экзаменах они передавали слабым студентам шпаргалки. (Занятно, что позднее, когда я уже преподавала в школе, одна из самых слабых наших “подопечных” явилась ко мне на урок в качестве инспектора ГорОНО). Но дальше подробных планов, долгих разговоров и этой главы наш роман не продвинулся. Причем первой остыла Зара, у которой к тому времени уже четко сложились иные, научные интересы.

Особенно ярко проявились способности Зары начиная с третьего курса, когда мы записались в Блоковский семинар, которым руководил Д. Е. Максимов. Подробнее о семинаре мы с ней написали в совместной статье¹. Первая же Зарина небольшая самостоятельная работа — реферат по библиографии Ашукина — поразила нас зрелостью суждений (кроме того, если не ошибаюсь, Заре удалось разыскать какие-то пропущенные Ашукиным названия). Дмитрий Евгеньевич сразу же выделил Зару из всех семинаристов. Запомнился мне и интересный Зарин доклад на городской научной конференции в Институте инженеров железнодорожного транспорта, после которого нас — вернее Зару — провожали сраженные ее эрудицией поклонники-технари. Обе мы увлеклись предложенной Дмитрием Евгеньевичем работой по составлению карточек, отражающих строение блоковских стихов (монады, диады, триады...), правда, работа эта так и не была потом ни завершена, ни обобщена².

Наши политические взгляды были в ту пору еще достаточно расплывчаты и нередко менялись: нас бросало из крайности в крайность. Одно время — довольно короткое — мы были активными общественницами-комсомолками (Зара реально, я — в душе), Дмитрий Евгеньевич посмеивался над нами и называл нас (особенно Зару) “младотурками”. Хорошо помню, как нас троих — Зару, Люду и меня, за наши

комсомольские взгляды отчитывала моя приехавшая из Москвы тетя. Пиком таких настроений было для нас факультетское собрание, посвященное 30-летию комсомола: мы фотографировались с Бердниковым и вообще были полны энтузиазма. Окончательно же отрезвели, пожалуй, к V курсу, думаю, тоже не без влияния Дмитрия Евгеньевича (хотя прямых политических разговоров он с нами не заводил), но главное — под воздействием постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград”, незадолго до которого Ахматова с триумфом читала у нас на факультете свои стихи, и особенно — после разгрома космополитов, среди которых оказались наши любимые преподаватели. На одном из таких “избиений” в актовом зале главного университетского здания мы сидели в последних рядах, а на сцене оплевывали Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского, Г. А. Бялого. Все избиваемые “каялись”, только Григорий Александрович Гуковский гневно стучал палкой об пол. В ту пору кому-то из нас даже пришла в голову мысль выпускать общественно-политический журнал, слава Богу, так и не осуществившаяся.

К старшим курсам у нас уже поубавилось детского озорства, зато часто по всяким поводам сочинялись веселые стишки, песенки. Помню и несколько забавных эпизодов. Например, как мы с Зарой сдавали Дмитрию Евгеньевичу экзамен по литературе начала XX века, разумеется — у него дома. Готовились гораздо тщательнее, чем когда бы то ни было, что-то еще читали в Публичке до последней минуты, а когда собрались бежать на Тургеневскую площадь, выяснилось, что Зара потеряла читательский листок и мы не можем покинуть библиотеку. Оставив заложницей Люду, мы с ее читательским листком выскочили на Садовую. Дмитрий Евгеньевич — нам было даже обидно! — ни о какой литературе слушать не пожелал, поставил нам пятерки и стал угощать чаем с пирожными... Вырваться от него мы смогли только поздно вечером — после пирожных как-то неудобно сразу убегать — и ринулись вызволять одиноко сидящую в темном вестибюле Публички Люду.

Сама Зара любила вспоминать другой связанный с Дмитрием Евгеньевичем эпизод: однажды летом мы

навелили его в Зеленогорске, сидели на веранде ресторана в гостинице “Ривьера”, и он предложил заказать нам консервированный компот из персиков. Я, скрепя сердце, благовоспитанно отказалась, а Зара, никогда не лукавившая, согласилась и сразу же целиком сунула в рот здоровенный персик. Поначалу я позлорадствовала, но потом мне стало ее жалко, а Дмитрий Евгеньевич делал вид, будто не замечает, с какими невероятными усилиями она ворочает злосчастный персик во рту, не решаясь выплюнуть и напрасно стараясь надкусить...

На V курсе по настоянию Дмитрия Евгеньевича Зара перешла в семинар Наумова и писала диплом по “Думе про Опанаса”, но продолжала посещать все занятия нашего семинара. Я очень хорошо помню ее диплом, четкий, со стремлением к широкому обобщению и систематизации. Казалось, Дмитрий Евгеньевич все рассчитал: выступая на Зариной защите оппонентом, он оценил диплом как готовую кандидатскую диссертацию и полагал, что Зару тут же рекомендуют в аспирантуру. Она получила назначение в школу рабочей молодежи, в Волховстрой.

Предстояли еще госэкзамены, к которым мы трагически не успевали подготовиться, особенно к литературе: куча нечитанных произведений, ряд курсов в неразберихе борьбы с космополитизмом нам вообще не читался. Учебников не было... Тут-то Зара и привела нам в помощь студента четвертого курса Юру Лотмана, о котором мы уже были наслышаны. Сложив руки на груди, он спокойно спрашивал: “Достоевский?” — и начинал говорить, “Лермонтов?” — и снова говорил (как потом выяснилось, поражаясь нашему невежеству)...

Все это было так давно, что теперь вспоминается в основном внешнее: отрывочные картины, эпизоды, заслоняющие внутреннюю жизнь. Помню, что были долгие ночные разговоры, но содержания их воспроизвести не могу. После окончания университета мы, пожалуй, сблизились еще больше, но это уже другая тема, это тартуские зрелые годы Зариной жизни, когда многие здешние университетские друзья и коллеги видели ее значительно чаще и больше, чем я.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Каменская В. А., Минц З. Г.* Первый блоковский (диалог-воспоминания) // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сб. IX: Памяти Д. Е. Максимова / Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 857. С. 11–12.
- ² См.: Там же. С. 16–17.